"Должен ли я просить вас рассказать вашему боссу о Данзо?"

"О, я сообщу ему, этот ублюдок нигде не найдет ни минуты покоя", - она сделала долгий глубокий вдох, успокаивая себя, потирая виски. "Кушина возвращается, Кагекаге мертв, а в твоей деревне полное вторжение. Неужели весь мир решил сойти с ума, когда я не смотрела?"

"Поверь мне, малыш, в те времена все было гораздо хуже".

"Не надо мне рассказывать, ветераны Кагекена не боятся дать нам понять, насколько хуево все могло обернуться". Она подошла к мини-бару и достала банку пива.

Это заставило Джирайю тоже сесть на кровати и посмотреть на Юму с упреком в глазах. "Эй, мне нужно заплатить за них"

"Ты можешь себе это позволить" Она бросила одну в его сторону, которую Джирайя легко поймал. Она открыла свою и сделала большой глоток. "Аххх" Юма слегка встряхнула свою банку, празднично глядя внутрь. "Кто-нибудь еще знает, что мы работаем как ваши контакты?"

"Кушина и старик знают", - быстро поправил он себя. Хирузен еще не ушел. "Зная, что мы тесно сотрудничаем, многие будут требовать моей головы", - он открыл свою банку и выпил.

"Ну, вот что бывает, когда твои "друзья" - убийцы Хокаге Шодай", - вздохнула Юма, откинувшись на стуле, но не раньше, чем достала еще одну банку пива.

"Ну, как твоя мама? Все хорошо?"

"Ты же знаешь, что да"

"Да, да"

Юма на мгновение вздохнула, потирая глаза. "Ты думаешь, этот Данзо подозревал о тебе и Кагекене?"

"Если бы он подозревал, то давно бы убрал меня из поля зрения или шантажировал, чтобы я делал его грязную работу".

"Послушай, старик, может, тебе лучше немного отдалиться. Мы все еще можем дать тебе информацию и все..."

"Эй, эй, эй;" Его тон повысился, когда он указал пальцем на нее, в то время как остальная часть его руки держала его пиво. "Перестань волноваться. Я занимаюсь этим уже долгое

время. Старик знает это; он понимает, что Кагекен уже не тот, что раньше".

Его дочь бросила на него усталый взгляд, и он знал, что не сможет противостоять этим голубым глазам, которые она унаследовала от Умы.

"Неважно, мы все еще те ребята, чей первоначальный гроссмейстер убил Хашираму Сенджу и, по сути, спровоцировал Первую войну" Она откинула голову назад, чтобы выпить последнее содержимое своей первой банки. "Мало кто в Конохе ненавидит нас больше".

"Я бы сказал, что Мадара - номер один в этом списке", - возразил Джирайя.

"Мадара потерпел поражение", - сочла нужным заметить Юма. "А Хаттори - нет. Это ключевое различие".

Саннин потряс головой. "В любом случае, завтра мы начнем искать Цунаде, надеюсь, я доберусь до Кушины до того, как она выбьет все дерьмо из своей матери", - он сделал глоток пива.

Юма вздохнула, поднимаясь со своего места: "В любом случае, мне пора идти. Если только вам не нужна дополнительная пара глаз?"

"Нет, все в порядке, поверь мне, когда я говорю, что девушка Карин - лучший сенсор, которого я когда-либо видел".

"Хорошо" Она раздавила пустую банку и выбросила ее в мусорный бак. "Эй, ты можешь одолжить мне немного денег?"

"Зависит от того, на еду или на развлечения?"

"Ты хочешь сказать, что есть разница? Я имею в виду, что в некоторых борделях есть хорошая еда".

"Используй свои собственные деньги в таком случае". Джирайя скрестил руки, снова позволяя своей дешевизне диктовать его действия. Его дочь была взрослой женщиной с собственной работой, так что она должна была вести себя соответственно и платить за своих чертовых проституток.

Фехтовальщица добродушно усмехнулась. "Только помни, все мои лучшие черты я получила от тебя, старик" Она наклонилась, чтобы поцеловать его в щеку, а затем повернулась к двери и улыбнулась ему напоследок, уходя. "Увидимся, папа".

Джирайя застонал, потирая глаза; "До сих пор удивляюсь, как твоя мать не отрезала мне яйца

за это".

ХхХ ~ позже той ночью ~ ХхХ

Кушина приняла душ в ванной комнате, чтобы успокоить свое тело от боли, вызванной сумасшедшим днем. Ей-богу, сегодня был просто вихрь... Ее фиалковые глаза медленно опустились на слив, когда она испустила долгий вздох. Кого она пыталась обмануть, кроме себя?

Она скрежетала зубами, когда воспоминания снова и снова атаковали ее разум, когда она оставалась одна. Опираясь рукой на стену душа, рыжая наклонилась вперед, ее тело слегка дрожало, мокрая челка затеняла глаза.

Ее тело содрогалось, когда она не могла сдержать рыдания, но как бы она ни сдерживалась, слезы все равно вырывались наружу, соленые капли смешивались с горячей водой в душе.

Кушина была убита горем.

Она потратила бы все силы, чтобы сделать храброе лицо, улыбку, что угодно, лишь бы Наруто увидел ее в радости, чтобы она могла разделить с ним радость. Но Наруто уже давно уснул, и Кушина позволила себе минутную слабость, чтобы снять маску и выплеснуть свое горе.

Было так больно, словно часть себя была разорвана, потеряна, и она никогда не сможет ее вернуть.

Она скучала по Минато, который, казалось, совсем недавно стоял рядом, держа ее за руку, когда она рожала самого красивого и идеального мальчика. Мужчина, который так сильно любил ее и заставил полюбить свои рыжие волосы, которые стали основой для воссоединения с ее потерянным наследием, историей, которая причиняла ей только боль, теперь она могла с гордостью оглянуться назад.

Кушина хотела растить их сына вместе... но Минато больше нет, и Наруто больше не ребенок.

Она скучала по Микото, милой Микото, такой дорогой ее сердцу. Такая добрая и храбрая, Кушина наблюдала, как она выросла из одинокой крохи в гордого ниндзя деревни, окруженного друзьями. Она заслуживала многого, будь это в ее власти, Кушина подарила бы ей жизнь, полную смеха и веселья. Вместо этого Микото отдали мужчине, которого она никогда не любила, как будто у нее не было собственного голоса... И лишилась жизни из-за жадности своего поганого клана, а ее дети были прокляты на страдания.

Микото заслуживала большего, Кушина могла бы... должна была... Она была эгоистичной женщиной, Кушина могла признаться в этом самой себе. Но, честно говоря, ей было все равно, была ли она эгоисткой. Они могли бы быть так счастливы вместе, втроем...

Но их не было. Они ушли и не собирались возвращаться.

Для Кушины они были рядом всего одну секунду, а в следующую...

Она упала на колени, рыдая от горя.

В другой комнате Наруто и Карин крепко спали, а Джирайя, прислонившись к стене, смотрел в одну точку, не обращая внимания на горестное рыдание Кушины в ванной. Она могла надеть любую маску, но, как и Наруто, не могла ничего скрыть в своих эмоциональных глазах.

После всего, чему она научилась, не обращая внимания на разрыв в двенадцать лет, можно было просто проткнуть ее кунаем в сердце и покончить с этим.

Старый мудрец вздохнул; он никогда не был тем, кто может помочь, когда дело касалось подобных эмоций.

Он знал, что нужно этой женщине: в тот момент, когда она вышла из своего свитка и увидела, что мир сошел с ума, она нуждалась в утешении и поддержке матери... но Цунаде нигде не было, отчего Кушине стало еще более горько и больно. Человек, который принял ее, когда она была отправлена в Коноху, а затем потеряла все, который вырастил ее и любил как собственную дочь, не был рядом, когда она была нужна сыну Кушины... когда она сама нуждалась в ней.

Именно поэтому они были здесь, Хокаге заботился о сердце своего народа, как родитель заботится о ребенке, и если Цунаде суждено стать Хокаге, они должны были напомнить ей, что у нее есть семья, о которой она должна заботиться. Семья, которая нуждается в ней прямо сейчас.

Так или иначе, они позаботятся о том, чтобы Цунаде вернулась домой.

<http://tl.rulate.ru/book/62419/1792665>